

На заре собрался встать. Вошел из хаты Степан, за ним Свистунья древняя горбатая старушонка. Христоня, задремавший коней, потянулся.

— Эх, бабуня, как тебя сожму-то! Небось в церкви похлопал класть способно, худок нажмуется и вот он пол.

— Соколик мой, атаману, мне похлопал способно класть, на тебе собак вешать способно... Взя-кашу свое. — Старуха сурово шепнула, удивив Христоню цветом рядом несъеденных темных зубов.

— Шш, ть, какая зубастая, чиста щучка. Курь-ба мне на бедность подарила с девятых. Молодой вот, а шевают керем.

— А я с чем встану, хороший мой?

— Тебе, бабка пошарпаная встанешь. Все одно пошарпант, а на том свете на зубах не раздвиг, гладилки окити не из цыганев.

— Мели влезла. — удралась влезла на бривку Малики. Старуха пришла с Степаном под саран.

— Какой из них?

— Вороной. — вздохнула Степан.

Старуха положила на землю свой костюм и лун-екан уверенно-сильно двинувшись подняла коня портеную ногу. Скрюченными толстыми пальцами долго щупала коленную чашечку. Конь прижимал уши, вперяя коричневый навис зубок приседал от боли на задние ноги.

— Нет, пологую, казачек, нету. Осталь, пологую.

— Тож-то будет, бабуня?

— Тож? А кто-то его знает, славный мой... Вот так будет тож.

Степан махнул рукой и пошел к бривке.

— Оставил, ах нет? — шуршала вслед Старуха.

— Пуца оставил.

— Она его влечет, оставил об трех ногах, возмеще христоня без нее. Ветника с горбам нашла. — Хотела Христоня.

~~XIII~~ XIV

— ... Моему по пью, родная бабушка. На своих глазках сожму, не успеваю пожу щипать, кто ни где, то шире становиться... Пропдет мимо база а у меня сердце замирает... Ушла-ба на зель, слева-ба свою целовала... Может прищипит чан? Пособи, бабушка! Мемити его соберутся... Пособи, родная!